

ношении песен этого жанра к действительности и о социальной критике в них (стр. 363—410). И хотя этот раздел содержит главным образом выводы из первой части, он имеет большое общетеоретическое значение, показывая, насколько тесна связь подобных песен с реальной действительностью и какими методами эту связь можно раскрыть, определить и изучить.

Книга чрезвычайно содержательна. В ней проработан огромный фактический материал, изложенный очень сжато и точно. По своему стилю, методу и обращению с материалами она приближается к исследованиям в области точных наук. Метод ее чисто индуктивный, наблюдения всегда вытекают из материала, полностью, всесторонне и обстоятельно изученного. В этом — сила убедительности работы Г. Штрабаха. Можно пожелать, чтобы по образцу данной работы были разработаны и другие жанры немецкого фольклора, а также фольклора других народов.

В. Пронн

Špiro Kulišić. *Tragovi arhaične rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske simbioze*. «Biblioteka Etnološkog društva Jugoslavije», 5, Beograd, 1963, 105 стр.

Югославская этнография проявляет значительный интерес к проблемам сохранения большесемейных и общинных отношений у южных славян. Это легко объяснимо: именно южнославянская задруга дала тот богатый материал, на основании которого исследователи реконструировали семейную общину прошлого. Наблюдения, проводившиеся здесь, долгое время предоставляли в распоряжение этнографов обильный материал для суждения не только о задруге, но и о «племени», «братстве» и других родственных коллективах, и ряд ученых истолковывал отношения внутри этих коллективов в качестве образца патриархальных порядков. Однако в последние годы это устоявшееся в югославской науке мнение начало подвергаться постепенному пересмотру. Известный этнограф Ш. Кулишич выступил с рядом работ, в которых последовательно развил идею о сохранении в Боснии и Герцеговине, Черногории, Далмации и северной Албании, т. е. в районе Динарских гор, сильных пережитков матрилокального брака, материнской филиации, авункулата, дуальной экзогамии и других доживших до нашего времени реликтов матриархальной родовой организации¹. В 1963 г. Этнологическое общество Югославии выпустило в свет монографию Ш. Кулишича, подводящую итог его многолетним изысканиям.

Книга состоит из 10 глав, большинство из которых посвящено характеристике различных форм родовых пережитков (см. главы «Обычай минората и матрилокального брака», «Матрилокальный брак и материнская филиация в черногорских и герцеговинских братствах», «Следы дуальной родовой организации», «Следы власско-славянского симбиоза в свадебных обычаях» и пр.). С одной из центральных идей работы мы знакомимся уже в первой главе «Матриархальное происхождение динарской задруги», где автор предлагает вниманию читателя мысль, которая затем становится одним из основных положений его концепции, — мысль о том, что «в динарской задруге положение женщины с самого начала (*«grmatno»*) не соответствовало положению женщины в развитом патриархальном обществе, где жена полностью подчинена мужу» (стр. 15). Таким образом, по его мнению, семейная община динарских районов сохраняет заметные пережитки матриархата, это положение Ш. Кулишич доказывает, анализируя памятники XIX—XX вв. из Черногории и Боснии и используя выводы Белокошича, Гаспарини и ряда других этнографов. Ш. Кулишич хорошо знает советскую этнографическую литературу и часто обращается к идеям, выдвинутым советскими исследователями, то развивая их на своем материале, то полемизируя с ними. Так, он возражает М. О. Косвену, доказывая, что личное имущество женщины в задруге восходит ко времени материнского рода, а не появляется в условиях распада первобытнообщинного строя (стр. 12). Здесь следует заметить, что, по мнению М. О. Косвена, в новое время возникает вовсе не личное имущество женщины, а лишь ее приданое², что же касается мнения о раннем происхождении личного имущества женщины в большой семье, то здесь между Кулишичем и Косвеном, насколько мы можем судить, нет расхождений.

Установив матриархальную подоснову динарской задруги, Ш. Кулишич намечает и вторую принципиальную черту этой задруги — отсутствие в ней патриархальной вла-

¹ Š. Kulišić, O postanku slovenske zadrage, «Bilten Instituta za proučvanje folklora», sv. 3, Sarajevo, 1955, стр. 43—56; е го же, Tragovi arhaične porodice u svadbenim običajima Crne Gore i Boke Kotorske, «Glasnik Zemaljskog muzeja», Sarajevo, 1956; е го же, O postanku i karakteru našeg «bratstva», «Pregled», 2—3, Sarajevo, 1957; е го же, Arhaično bratstvo u Crnoj Gori i Hercegovini, «Glasnik Zemaljskog muzeja», Sarajevo, 1957 и др.

² М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 60.

сти отца, ее демократизм, выборность ее главы — все то, что образует тот тип семейной общины, который заслужил в литературе название «демократического». Это очень характерно для работы Ш. Кулишича, он воспринял идею о двух типах семейной общины — демократической и так называемой «отцовской», — идею, выдвинутую в советской науке³, и нашел убедительное подтверждение ей на югославском материале. По убеждению Ш. Кулишича, демократический облик динарской задруги выразительнее всего доказывается тем, что она состоит из поколений нескольких братьев («sklarna braća»), возглавляется одним из них и в случае раздела делит имущество «per stirpes», т. е. между коленами братьев, образующих семью (стр. 17—18). Это дает ему основания назвать динарскую семейную общину «братинской» («братской») или фратриархальной. Ш. Кулишич находит доказательства существования «братской» задруги не только в этнографических свидетельствах, но и в исторических памятниках сербского средневековья, в частности в грамоте, выданной в XIV в. Дечанскому монастырю, где беспрерывно упоминаются домохозяева вместе с братьями (например, «Милко и его брат Нинослав», «Райко и Милош с сыновьями» и пр.). Во всех этих случаях исследователь, действительно, имеет дело с несколькими коленами родственников во главе с братьями.

Ш. Кулишич видит в «братской» задруге один из первоначальных типов семейной общины, возводя ее ко временам родового строя (глава «Происхождение братской задруги»). Он находит доказательство древнего происхождения «братской» общины в правах деверя по отношению к невестке, в частности в сохранении символического права на первую брачную ночь, которое он считает пережитком группового брака (стр. 23)⁴. Иногда в динарских селах можно заметить особую роль дядей со стороны матери, что проявляется в свадебных обычаях и в том, что к ним возвращаются дети от женщины, выданной в чужую семью⁵. Эти элементы авункулата, по мнению Ш. Кулишича, доказывают связь, существующую между фратриархальным характером задруги и ее матриархальным происхождением (стр. 27—29).

Значительное место в выводах Ш. Кулишича занимает тезис о матриликальной филиации, сохраняющейся в динарских областях. Матриликальный брак или «домазетство», по мысли автора, является одним из самых древних и устойчивых пережитков родовых порядков у южных славян. Ш. Кулишич подтверждает это материалом о «матронимических» братствах из отдельных областей Югославии (стр. 39—40), материалом этнографических обследований далматинских островов из окрестностей Задара и Шибеника (стр. 35). Интересен также текст святостефанского хрисовула XIV в., подтверждающий ту же закономерность. Любопытно, что во время частых перемещений населения в районах динарских гор матриликальный брак часто сочетался с установлением отцовской линии родства, таким образом в рамках женской родственной группы, т. е. братства, возглавляемого дядьми по матери, возникают патрилинейные семьи (стр. 41).

Вслед за И. Ердельяновичем (памяти которого, кстати, Ш. Кулишич посвящает свою работу) автор исследует сложную структуру черногорских братств, зачастую состоящих из двух групп. Так, в середине XVIII в. митрополит Василий говорил о том, что «племя» Братоножичей, в свою очередь, делится на два «племени» (т. е. братства); современное «племя» Сотоници проживает в двух поселках, каждое из которых состоит из четырех братств, и т. д. (стр. 47). Ш. Кулишич полагает, что подобная симметрия у южных славян, так же, как и у некоторых других народов (например, кавказских), является пережитком дуальной организации эпохи родового строя (стр. 48). Эта организация прослеживается в сфере родовых пережитков, сохраняющихся в северной Албании и охарактеризованных автором в отдельной главе «Албанская задруга и албанское братство (vilazni)». Ш. Кулишич обнаруживает в албанской семейной общине те же отличительные черты, что и в славянской задруге — ее «братский» характер, минорат, привилегированное положение женщины. Наконец, в развитии албанской большой семьи он прослеживает те же два типа, что и в развитии южнославянской, ее демократический тип «отцовский» (стр. 50—53). На наш взгляд, Ш. Кулишич правильно поддерживает мнение Э. Гаспарини о том, что патриархальная семья не может эволюционировать в задругу с ее демократическим строем. Но чем же объяснить эту близость албанских и славянских задружных порядков?

К. Кадлец, В. Богишич и ряд других исследователей полагали, что дело объясняется заимствованием, что албанская задруга славянского происхождения. Ш. Кулишич отвергает мысль о заимствовании, он считает, что албанские родовые порядки древнее славянских, о чем можно судить хотя бы по тому, что они сохранились в горах, куда пришельцы-славяне имели меньше доступа (стр. 55). Сходство большесемейных отношений у славян и албанцев определяется по мысли автора, их однотипностью, их разви-

³ М. О. Косвен, Семейная община, «Сов. этнография», 1948, № 3, стр. 11 и сл.

⁴ Впрочем, таким же реликтом группового брака Ш. Кулишич считает вслед за Л. Нидерле и великорусское снохачество, хотя хорошо известно, что снохачество является признаком сильной отцовской власти и элементом распада большой патриархальной семьи.

⁵ По поводу авункулата см. небольшую статью Ш. Кулишича, не упомянутую им в списке своих работ — O problemu avunkulata, «Pregled», Sarajevo, 1960, стр. 227—231.

тнем по одним и тем же внутренним законам. Это сходство можно наблюдать не только между албанцами и славянами, но и между славянами и исконным балканским населением, и оно позволило осуществиться успешному симбиозу между этими двумя этническими группами. Этот процесс Ш. Кулишич называет процессом «симбиоза и внутреннего взаимопроникновения двух сходных родовых систем» (разрядка моя.— М. Ф.) и мыслью об этом сходстве он заканчивает последнюю главу своей книги («Следы власско-славянского симбиоза в свадебных обычаях», стр. 94).

Еще одна важная глава его работы посвящена характеристике архаического «племени», рода и братства (стр. 63—74). Ш. Кулишич отмечает, что понятие «братство» часто не упоминается в исследуемых им районах Боснии, Черногории и Далмации, оно появляется сравнительно поздно. Та же характеристика, которой принято сопровождать братство, может быть с успехом отнесена к «племени», ибо основой возникновения племени, как и братства, является процесс распада задруги (стр. 71). Вот этот тезис автора, как нам кажется, является наиболее правильным решением вопроса о происхождении братств и равнозначных им «племен», и было бы совершенно естественно, если бы Ш. Кулишич закончил свое описание «племен» и братств характеристикой того организма, который возникает в результате разложения семейной общины, т. е. характеристикой патронимии. Однако именно этого Ш. Кулишич и не делает, более того, он упорно отказывается дать какое-либо иное определение для этих родственных коллективов, кроме термина «родовой». По мысли Ш. Кулишича, братство представляет собой ту общественную единицу, из которой, как говорит Энгельс, «с почти неотвратимой неизбежностью развивается все устройство родов, фратрий и племен» (стр. 73), и нам представляется, что здесь мы имеем дело не просто с неудачным выражением. Ш. Кулишич возражает советским ученым, которые четко отличают первобытный род от братства, по его убеждению, здесь нет заметной грани. Нам кажется спорным это отождествление родственных порядков, сохраняющихся в динарских районах, с развитым родовым строем, охарактеризованным Энгельсом; любопытно, что и сам Кулишич не находит достаточно веских аргументов для того, чтобы обосновать это отождествление. Он признает, что в братствах и «племенах» не существует коллективного производства, а коллективная собственность ограничена, и его единственным доводом оказывается мысль Маркса об азиатских общинах, остающихся неизменными на протяжении столетий (стр. 74). Маркс имеет здесь в виду отнюдь не родственный коллектив, а восточную общину, чье единство покоится на совместной ирригации и общем распоряжении земель.

Тем не менее в этой же главе, где он высказывает столь спорное мнение о родовом характере братств и других родственных коллективов, Ш. Кулишич формулирует и правильный тезис об известном возрождении кровно-родственных отношений после турецкого завоевания. Отвлекаясь от формулировки, в которую облечена эта мысль (Ш. Кулишич по обыкновению пишет об обновлении «родоплеменной организации»), надо признать, что Ш. Кулишич, нередко использующий для своих выводов данные самых различных эпох вперемежку, в данном случае совершенно верно подчеркивает историзм развития родственных коллективов. Он не только устанавливает факт восстановления, регенерации родственных связей, но и стремится дать ему свое объяснение. По его мнению, здесь, как и в азиатских общинах, дело объясняется хозяйственным упадком, который наступил на Балканах после турецких нашествий и который позволил родственным коллективам возродиться в условиях наступившего экономического застоя. Этот справедливый вывод Ш. Кулишича намечает правильное решение давнего вопроса о том, возникают ли общинные и задружные порядки у южных славян в XIV—XVI вв. или они только восстанавливаются под влиянием различных социально-экономических условий.

Книга Ш. Кулишича, как мы уже упоминали, является сводом его прежних исследований, но она в то же время отличается от них большей последовательностью, логикой и доступностью изложения. Автор облегчил чтение монографии тем, что объединил материал вокруг нескольких центральных проблем и снял аппарат, сделав тем самым работу доступной широкому кругу читателей. Однако это не лишило книгу научной обоснованности и убедительности. Правда, в отдельных местах автору не удалось поколебать мнения, установившиеся в литературе (например, О. Мандича о том, что *tribus*, *genus*, *gens* являются лишь разными наименованиями для понятия «братство»), в других — его положения выглядят достаточно спорными, как в главе о тождестве братства и классического рода, но эти особенности присущи всякому широкому исследованию. Работа Ш. Кулишича в целом является серьезным и обоснованным исследованием сложного вопроса о пережитках родоплеменных отношений в классовом обществе.

М. Фрейденберг